

ГЛАВА 2

Утро выдалось ранним.

— Ты проснулась? — спросил Кощей, заходя в ее спальню.

Он уже был умыт, одет, чисто выбрит, благоухал свежестью и раздражал выпавшимся лицом. Можно было подумать, что он лег спать не сегодня, как и она, а вчера. Это было жутко несправедливо.

— Я не сплю, — крайне четко проговорила Василиса, правда, глаза открыть так и не смогла.

Но за пятнадцать лет брака она выяснила, что если произнести эти слова достаточно бодро, то Кощей может поверить и отстать. Увы, не этим утром.

— Я стою здесь и жду, когда ты встанешь. Баюн требует отчет, он и так зол, давай не будем доводить его до инфаркта.

— Я не сплю, — повторила Василиса, не теряя надежды.

— Тогда вставай!

Василиса захныкала и спрятала голову под подушку, прошептала оттуда:

— Некромант ты этакий...

— Хочешь проверить мои способности?

Не глядя она послала вторую подушку в мужа, и снаряд неожиданно попал в цель.

— Уйди подобра-поздорову, — попросила Василиса, — а то продемонстрирую свои.

— Натравишь на меня полчище пташек? Не хочу разочаровывать, но солнце уже взошло.

— Кош!..

— Что?

— У тебя аллергия на мои обои, — напомнила она.

— Это да, — вздохнул Кощей. — Что ж, я и утренний кофе ждем тебя на кухне через двадцать минут. Если успеешь, довезу до работы.

И он бросил подушку обратно. Василиса села, откинула с лица копну спутавшихся волос — она была гордой обладательницей светло-русой косы ниже пояса — и в ужасе представила, как будет приводить их в порядок. Ночью она помыла голову, но сил высушить и заплести косу уже не осталось, и теперь все это безобразие обещало ей веселенькое утро.

— М-м-м... — невнятно промычала она.

— Не волнуйся, — ответил Кощей, приняв это на свой счет. Он педантично застегнул пуговицы на манжетах рубашки и одернул рукава. — Разногласия между супругами — это нормально.

Еще одна подушка прилетела в успевшую закрыться в последний момент дверь. Василиса оглядела спальню, ища успокоения в привычных вещах. В светлых обоях с крупными цветами и развешанных по стенам рамок с вышитыми птицами. В гиацинтах и орхидеях, цветущих на подоконнике за невесомым кружевным тюлем. В покачивающейся от легкого ветерка, налетевшего из приоткрытого окна, деревянной птахе, закрепленной под потолком. Все было родным и уютным. В большом круглом ротанговом кресле поверх незаконченного рукоделия лежала шаль. За креслом гордо возвышался торшер на трех ногах, а на стене висела полка с книгами. Перед окном стоял стол со швейной машинкой на нем. За резной трехстворчатой ширмой прятались трюмо и платяной шкаф.

Покидать любимую спальню не хотелось, но выбора не было.

— Доброе утро, мир... — протянула Василиса и со вздохом взяла в ладонь прядь волос.

Что-то подсказывало, что спокойное утро ей сегодня не грозит.

В итоге в ворота Конторы Василиса входила не в самом бодром расположении духа, зато со свежесваренным Кошечем кофе. Выпить дома он его не дал — как она и подозревала, борьба с волосами отняла куда больше двадцати минут, — зато перелил в термокружку и вручил в машине. Заботиться о ней он умел.

Контора располагалась на территории бывшего завода, как и многие другие, почившего в скверные девяностые, но каким-то образом урванного совсем уж высоким начальством с острова Буян под скромные нужды Западно-Сибирского отделения. Территория эта была изрядной, скрывалась от глаз людских трехметровым бетонным забором и почти полностью была засажена березами, ветви которых по весне покрывались пахнущими смолой почками, летом шумели на ветру, переливаясь всеми цветами зеленого, осенью устилали потрескавшиеся от времени дорожки червонным золотом, а зимой обрамляли небо черными разводами.

В правой стороне от ворот прятался за березами архив, хранивший в себе библиотеку и склад артефактов. Архивом, где было тихо и спокойно, заведовала Варвара, и Василиса любила заглянуть к ней на чай и поболтать о том о сем.

Длинное зеленое двухэтажное здание, похожее на кособокий паровоз, занимало общежитие. В нем царствовала Елена. Там обитали сотрудники Конторы, которые по какой-то причине не могли жить в городе, селились делегации с Буяна и командированные, а также те, кто только-только перебрался в этот мир из соседнего Тридевятого и теперь пытался к нему адаптироваться.

Справа от ворот в самом дальнем углу расположился Отдел магической безопасности, которым железной рукой руководил Сокол. Местные байки гласили, что его именем темные пугают своих детей.

Баюн же и его подчиненные занимали бывший административный корпус завода. В девяностые и в начале двухтысячных в нем что зимой, что летом стоял лютый холод, здание словно пыталось избавиться от своих новых обитателей. Но потом потихоньку обжились, наполовину магией, наполовину недобрым словом наладили отопление, а затем на место администратора пришел Данила-мастер и с каким-то болезненным, граничащим с помешательством упрямством и упорством начал налаживать быт. Наверное, хотел забыться в работе, а все были только рады его трудовому энтузиазму, и никто ему не мешал. Одна лишь Божена — их Снегурочка — вздыхала тяжело. Ей были по нутру стылые коридоры, вечные сквозняки и невозможность согреться. Впрочем, каждую весну она шла к себе в комнату, выпивала зелье мертвого сна и засыпала до первого снега. А зимой все равно приходилось одеваться потеплее...

Василиса миновала сводчатые перекрытия главного входа, вышла в коридор, эхом подхвативший ее шаги, и остановилась у лестницы. В камерке под ней горел свет. Данила — высокий, светловолосый, кудрявый, но вечно хмурый и словно вытесанный из горной руды, что сильно портило привлекательность его черт, был на месте и, когда Василиса постучала и вошла, оторвался от работы и взял полотенце, чтобы вытереть руки. Василисе как-то довелось прикоснуться к его руке, она была холодна и тверда, словно камень.

— Утра доброго, — без всякой улыбки поприветствовал он.

— И тебе, — отозвалась Василиса. — Про гостей ночных слышал?

— Это про тех, которых Кощей на своем псе доставил? — усмехнулся мастер.

Василиса поморщилась. Она не то чтобы не любила пса, призываемого огнивом, скорее старалась не иметь с ним дел. Пес охотно или, во всяком случае, без явного нежелания служил ее мужу, но на нее смотрел исподлобья, и она старалась не приближаться к нему без надобности. А что использовать его как транспортное средство было плохой идеей, она понимала еще до того, как ей пришлось убедиться в этом лично, проехав на нем по болоту до машины, а потом от машины до кабинета Баюна.

— Про них самых. Ночью тихо было? Что Баюн?

— Серчает начальник. Был у него с утра, опять стол полировать заставил. Еще немного, и от столешницы ничего не останется. А ты сейчас к нему?

— Надеюсь, до вечера не свидимся.

— Это правильно. Пускай успокоится немного. Что там за дети-то?

— Ничего страшного мы не нашли. Сегодня иду беседовать. Дети как дети, разве что колдуны.

— А я слышал, девчонка наложила отпугивающую сеть почти на все болото.

— Все-то ты, Данила, слышишь.

Данила пожал могучими плечами, мол, кричать меньше надо. Василиса улыбнулась в ответ, и он вернулся к работе.

Она вышла из каморки, закрыла за собой дверь и с тоской посмотрела на нее. Василиса никогда не строила иллюзий насчет того, во что могла бы превратиться ее жизнь в этом мире. Тишина и одиночество. Работа и закрытая дверь. Наверное, именно поэтому она и заходила поздороваться с Данилой каждое утро. Чтобы он не забыл, как разговаривать с людьми, чтобы знал: о нем вспоминают и просто так, безо всякой надобности. Порой Василисе казалось, что он

действительно рад ее визитам. Хотя, возможно, просто смирился с ними и по какой-то причине не хотел ее обижать.

По облупившимся бетонным ступенькам Василиса дошла до второго этажа и открыла свой кабинет, располагавшийся рядом с лестницей. На двери висела табличка: «В. П. Кощева, специалист по адаптации», а ниже были обозначены часы приема: по понедельникам, средам и пятницам с десяти до пяти.

В конторе Василиса действительно значилась как специалист по адаптации, помогала пришедшим сюда из Тридевятого мира приспособиться к жизни в этой реальности, но это не мешало Баюну периодически скидывать на нее и другие обязанности. Например, полевую работу. Впрочем, отвертеться от полевой работы еще никому не удавалось, даже Кощею, хотя Василиса понятия не имела, как Баюн уговорил его в ней участвовать. Но действующих, хорошо обученных магов при Конторе было раз-два и обчелся, и их костяк входил в отряд Сокола. А нелегалов из Тридевятого становилось все больше и больше, о контрабанде волшебных предметов и говорить было нечего, да и преступления с магической составляющей тоже были не редкостью. Отдел Финиста давно погрело под работой, поэтому все, что можно было не передавать туда, доставалось подчиненным Баюна. Так что три раза в неделю Василиса принимала посетителей, желающих пожаловаться на жизнь и на сложности, возникающие в новом для них мире, еще два раза читала лекции для проходящих курс адаптации, а в свободное от основной работы время помогала начальству блюсти формальности в руководстве этим бедламом: разбирала отчеты, писала отчеты, следила за выполнением многочисленных требований и правил, установленных Лебедью. Официальная часть работы ей нравилась, с неофициальной приходилось мириться. С недовольными у Баюна разговор

выходил короткий. Впрочем, Баюн не был плохим руководителем и, когда приходилось принимать реальные удары сверху, брал их на себя.

В маленьком кабинете помещались стол, Василисино кресло, кресло для посетителей и небольшой сейф, за которым схоронилась вешалка. На подоконнике примостились заварник и чайник, тут же лежала открытая упаковка печенья. За деревянными окнами, выкрашенными давно потрескавшейся белой краской, шумели березы. Василиса сдвинула печенье в сторону, открыла одну створку и поглубже вдохнула запах лета.

Несмотря ни на что, в этот момент она была абсолютно счастлива.

Девушку звали Агатой, мальчика Демьяном. Об этом поведал последний. Детей пристроили в общежитие, ночью им дали как следует выспаться, а с утра Елена, не особо церемонясь и не брезгуя прибегать к волшебу для улучшения дисциплины, отмыла и накормила их. И теперь они сидели перед Василисой насупившиеся, всем своим видом изображая праведное негодование, но, во всяком случае, не пытались нападать. Демьяна удалось разговорить, но после каждой произнесенной фразы он нервно косился на сестру, видимо, опасаясь, что она снова попытается себе навредить. Но Агата не пыталась. Она застыла в кресле и не реагировала ни на какие вопросы.

— Ей все равно нельзя говорить, — буркнул Демьян на очередную попытку Василисы добиться ответа от его сестры. — Она дала обет молчания, и лучше его не нарушать.

— Добровольно дала? — нахмурилась Василиса.

Обет молчания был серьезной магической практикой, и прервать его, как правило, означало накликать большую беду. Демьян кивнул.

— Да, только я не могу рассказать зачем.

Василиса подавила вздох. Весь их разговор примерно так и складывался: Демьян преподносил ей очередную порцию невнятной информации, а потом отказывался давать пояснения.

В дверь постучали и, не дожидаясь ответа, открыли ее.

— Ух ты! — восторженно выдохнул мальчик, уставившись на вошедшего Конька-Горбунка.

Разумеется, это было невежливо с его стороны, но Василиса могла понять мальчика. Конек-Горбунок являл собой странное зрелище. Переселившись к ним с Буяна, он довольно быстро обнаружил, что проживать здесь в своем истинном облике весьма затруднительно. Если на Буяне удивить кого-то говорящим конем было сложно, то в центре обычного города люди легко удивлялись и просто коню. С высочайшего соизволения царицы Лебеди за не подлежащие разглашению заслуги Коньку, как и Баюну, был передан артефакт, дарующий человеческий облик. Однако артефакт этот был куда слабее, требовал постоянной магической подзарядки, и на территории Конторы Горбунок использовал его лишь в полсилы, чтобы заряд не истощался слишком быстро. В результате выглядел он презабавно и больше всего напоминал сатира, причем довольно низенького и с лошадиными, а не козлиными ногами. Летом он носил шорты до колена и рубаху с коротким рукавом. Руки его покрывала колкая конская шерсть. Длинные густые каштановые волосы, напоминающие гриву, Горбунок собирал в высокий хвост. Но страннее всего смотрелось лицо. В нем не было бы ничего особенного — обычное лицо мужчины лет сорока, немного усталое и понурое, — если бы не огромные карие глаза с горизонтальным зрачком и безо всяких белков. Они незамедлительно привлекали внимание всех непосвященных. В общем, не узнать в нем волшебное создание было сложно.

— Пялиться неприлично, — мрачно произнесло волшебное создание. Конек подпер спиной стену возле двери и хмуро поинтересовался у Василисы: — И что, сама не могла справиться?

— Знакомьтесь, дети, — представила его Василиса, — это Степан Маркович. Он задаст вам несколько вопросов, хорошо?

— Ничего я задавать не буду, — возразил Горбунок. — Баюн велел лишь присмотреть, а начальство надо слушаться.

— А мы Баюна видели, — подал голос отошедший от чрезмерного восторга Демьян, видимо, ободренный тем, что хоть кто-то не будет задавать ему вопросы. — Он страшный. Только я всегда думал, что он кот, ну, как мейн-кун, только больше, а он на человека похож...

— А ты что, мейн-кунов видел? — словно невзначай поинтересовался Горбунок.

— У бабушки нашей такой жил. Он добрый был, ласковый, лизаться любил и лапы на меня складывать, — наконец-то с готовностью поведал Демьян, но тут же замолчал, увидев, что Агата уронила лицо на руки. — Да ладно тебе, — прошептал он, обращаясь к сестре, — это ж ничего.

Агата покачала головой. Выглядела она обреченно.

— Как вы попали к ведьме? — спросила Василиса.

Демьян вопросительно посмотрел на сестру, но та не подала никаких знаков.

— Вы можете не рассказывать, это ничего, — безразлично разрешил Горбунок и никак не прореагировал на возмущенный Василисин взгляд. — Мы вообще можем вернуть вас на болото. До конца лета еще полтора месяца. Успеете сделать запасы на зиму. А потом осень... Грибы засушите...

Демьян замялся, тронул сестру за руку. Та пожала плечами. И стало очевидно, что вся бравада детей напускная, а как на самом деле пережить зиму без их ведьмы, они не знают.

— Из детдома мы сбежали, — наконец прошептал мальчик. — Нас обещали не разлучать, а потом меня в больницу отправили, а Агату в другой город. Она меня нашла. Нас, детей, на прогулку выводили, вот мы с ней и убежали, пока за мной никто не следил. Бабушка всегда говорила, коли ее не станет, идти в лес и там просить защиты. Мы так и сделали.

Василиса мысленно сделала себе пометку разузнать все о бабушке и задала следующий вопрос:

— И вы встретили там ведьму?

— Ага. Она добрая. Сказала, что мы можем остаться, если нам совсем некуда идти, что ей помощники нужны и что Агата сильная ведьма и она ее учить будет. А меня учить не захотела. Агата говорит, что это лучшее место из тех, куда мы могли попасть, что Агафья Егоровна нас не обижает, кормит хорошо, и тепло в избе, и мы все время вместе. Агафья Егоровна говорит, что, когда мне исполнится восемнадцать, мы сможем вернуться обратно в город, и никто нас уже не тронет.

Демьян внезапно погрузился и принялся ковырять пальцем подлокотник кресла. Агата накрыла его ладонь своей, сжала и кивнула, судя по всему, давая разрешение продолжать рассказ.

— Пропала она, — выдавил наконец Демьян. — Сразу после Купальской ночи. Ушла за хворостом и не вернулась. И Мила с ней пошла и тоже не вернулась.

— Мила? — переспросила Василиса.

— Да. Это ее собака. Только мы не думаем, что Агафья Егоровна нас бросила! — поспешно добавил он. — В тот день на болоте странно было, а Агата потом нашла тропу из мертвых трав, как будто кто-то шел и за ним все высохло. Мы испугались. Агата сплела отпугивающую сеть и морок навела, чтобы домик наш никто не нашел. Только она в полную

силу колдовать не может, потому что не говорит. Мы ждали-ждали, а потом вы пришли. Что это за дядька такой страшный был?

Василиса невольно улыбнулась.

— Это был Кощей Бессмертный.

— Ух ты! — Настроение у Демьяна опять резко сменилось. — Это я самого Кощея Бессмертного укусил? А мне от его крови ничего не будет?

— Если еще не помер, значит, уже не отравишься, — обнадежил мальчика штатный психолог Конторы, достал из поясной сумки морковку и принялся ее задумчиво жевать.

— Не будет, не будет, — поспешила успокоить Демьяна Василиса.

— А я и не знал, что он правда существует, думал, это просто сказка. Выходит, он добрый? — удивился Демьян.

Агата тоже внимательно посмотрела на Василису. Василиса терпеть не могла врать, но на ее счастье жизнь с Кошеем и работа в Конторе научили ее, что правду можно преподнести разными способами.

— Он не причинит вам вреда, — ответила она. — А теперь давайте договоримся так: на болотах сейчас опасно, вы поживете пока здесь. Ведьму вашу — Агафью Егоровну — мы объявим в розыск, у нас есть для таких поисков хорошие специалисты. Она должна была оформить вас как учеников, но не сделала этого, а это нарушение. Вы были бы закреплены за ней, а так вы как бы ничейные, но я посмотрю, что можно для вас сделать. Агата, у тебя проблемы с аурой, и эту проблему нужно решить. Ты наверняка плохо себя чувствуешь, испытываешь слабость. Нам нужно понять, что идет не так.

— А разлучать нас не будут? — спросил Демьян.

Он изо всех сил сжимал ладонь сестры, но та даже не морщилась, и в ее глазах читался тот же вопрос.

— Мы постараемся этого не допустить, — ответила Василиса, боясь давать обещания.

Агата взглянула на брата, тот кивнул.

— Нам нельзя обратно в приют, — твердо сказал Демьян. — Если уж не сможете ничего сделать, тогда мы лучше правда вернемся на болото.

— И как вы будете там жить? Чем питаться?

— Вы не понимаете, — вздохнул мальчик и стянул футболку.

— ...В общем, на нем проклятье, и он носит рубаху Элизы, она его сдерживает.

От травяного сбора Варвары шел густой, терпкий, дурманящий аромат. Василиса в детстве как-то хлебнула хмеля из отцовской кружки, эффект был тот же. Она сделала очередной глоток, оставила чашку и устало потерла глаза. Продолжила:

— Это же сильнейший артефакт, а девочке всего семнадцать, сплела она ее три года назад, когда они попали к ведьме. Тогда же дала обет молчания. Я поражена, это запредельный уровень мастерства!

Сидевшая рядом Варвара, к которой Василиса зашла выпить чаю после долгого рабочего дня, вскинула бровь и хмыкнула:

— Или нет, потому что, судя по всему, она сделала что-то неправильно и теперь подпитывает мальчика собственными силами — отсюда и разрыв в ауре. И именно поэтому ей приходится молчать.

— Да, — не стала спорить Василиса, — но проблема еще и в том, что их действительно нельзя возвращать в мир. Там

с Демьяна снимут рубаху, Агату отдадут психологам, будут пытаться разговорить, и ничем хорошим это не закончится.

— Что сказал Баюн?

— Передал информацию на Буян, теперь ждет ответа. Надеюсь, Лебедь разрешит детям остаться здесь. Магический потенциал у обоих высокий, вышло бы два отличных сотрудника для Конторы.

— Кто их станет учить?

Василиса пожала плечами.

— Пока не знаю. Дождемся ответа с Буяна. И потом, может, их ведьма еще найдет. Заплатит штраф, оформит детей как надо. Они вроде ее любят.

— А что с бабушкой?

— Пробиваем, потом расскажу.

— Но это не все, да?

Василиса кивнула.

— Я видела, Кощей тоже это почувствовал, — вздохнула она. — И дети подтвердили. Кто-то из Тридевятого заглянул к нам в гости, и, судя по всему, этот кто-то не из светлых.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)